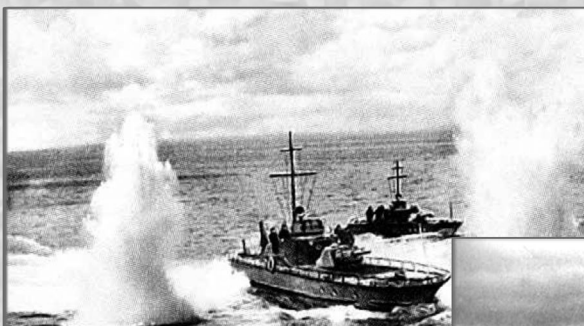

Сергей ТИТОВ

г. Петрозаводск

(к 70-летию освобождения Петрозаводска)

Ежегодно в последние выходные июня петрозаводчане празднуют День города.

С утра на его набережную, улицы и площади выходит множество веселых и нарядных людей, играет музыка, звучат песни, и мало кто в этой шумной толпе помнит о том, с чем же, собственно говоря, связано это красочное действо. А связано оно с уходящими от нас все дальше и дальше событиями Великой Отечественной войны. В такие же июньские дни 1944 г. на берегах Онежского озера происходили бои, в ходе которых части Красной армии, преодолев сопротивление противника, вошли в столицу Карелии. Сегодня, когда мы отмечаем 70-летие освобождения Петрозаводска, хочется еще раз вспомнить о том, как все это происходило.

О летних боях 1944 г. в Карелии написано очень много. Однако сложилось так, что внимание и историков, и мемуаристов больше всего привлекали события, связанные с форсированием Свири в районе Лодейного Поля и наступлением левого крыла 7-й армии на олонецком направлении. И это понятно. Здесь действовали главные силы наступающих советских войск, здесь находились мощные оборонительные линии оборонявшихся финнов и именно здесь разворачивались наиболее ожесточенные сражения. Но прямой связи с освобождением Петрозаводска эти бои не имеют, потому что город освобождали другие соединения и части. Какие? С ответом на этот вопрос историки обычно не затрудняются: город был занят 28 июня 1944 г. десантом Онежской флотилии при содействии частей 7-й и 32-й армий. Заметим, что формулировка эта заимствована из донесения командующего Карельским фронтом генерала армии К. А. Мерецкова Верховному Главнокомандующему маршалу И. В. Сталину, а помимо флотилии за ней скрываются 368-я стрелковая дивизия 7-й армии и 313-я Краснознаменная стрелковая дивизия 32-й армии.

Логика донесения понятна: командующий фронтом назвал основных действующих лиц (командующих флотилией и армиями), чтобы позднее, в других донесениях, назвать остальных. Пройдет день-два, и их назовут, отметят и даже наградят. Но сегодня, когда речь заходит об освободителях Петрозаводска, говорят в первую очередь о моряках Онежской флотилии. И это вроде бы справедливо, потому что первыми в город вошли именно они. Однако следом возникает много вопросов. Где в тот момент находились войска 7-й и 32-й армий и в чем конкретно выразилось то содействие, которое они оказали флотилии? Почему все случилось именно 28 июня, а не, скажем, 27 или 29? Как быть, если, по рассказам одних, весь день 28 июня за город шли «ожесточенные бои» и только «к утру 29 июня он был полностью освобожден от врага», а другие сообщают, что советские войска вошли в город, в котором уже не было ни одного солдата противника? Более того (и об этом еще сегодня рассказывают некие «очевидцы»), выясняется, что финны ушли из Петрозаводска за трое суток до того и в городе все эти дни не было никакой власти – ни финской, ни советской. И вообще, о каком освобождении можно вести речь, если, как уверены многие, финны просто собрались и спокойно ушли и из Петрозаводска, и из всей занятой ими в 1941 г. Карелии?

От вопросов этих нельзя отмахиваться. На них надо отвечать, потому что за ними стоят вера одних, сомнения других и лукавство третьих, за ними скрывается память о тех далеких днях, за ними остались люди, о которых сегодня мы почему-то забыли. На эти вопросы мы ответим. А чтобы ответить, не торопясь, день за днем, пройдем неустроенными солдатскими дорогами от Ошты и Повенца до стен Петрозаводска. Пройдем, чтобы понять, как это было тогда, в июне 44-го.

Началось все 10 июня 1944 г., в «черный», по словам маршала К. Г. Маннергейма, день финской военной истории, когда на Карельском перешейке перешли в наступление войска Ленинградского фронта. Оборона финнов была прорвана в одночасье, и уже сутки спустя стало ясно, что если дела пойдут таким образом и дальше, то Финляндию ждет неминуемая катастрофа. Чтобы спасти фронт, требовались резервы, а единственным источником их могли стать оборонявшиеся на Масельском и Олонецком перешейках в Восточной Карелии (так финны именовали территорию Российской Карелии) войска II армейского корпуса и группы «Олонец».

Располагавшийся к северу от Онежского озера (на Масельском перешейке и ребольском нап-

равлении) II армейский корпус финнов (командир генерал-лейтенант П. Талвела) имел в первой оборонительной линии 1-ю, 6-ю и 14-ю пехотные дивизии и 21-ю пехотную бригаду, а также ряд отдельных пехотных и артиллерийских подразделений (батальонов и дивизионов). В резерве корпуса находилась дислоцированная западнее Медвежьегорска 4-я пехотная дивизия. По старым, еще советских времен, данным, на 10 июня 1944 г. численность войск II армейского корпуса достигала 54 тыс. чел. при 380 орудиях. Заметим, что советская разведка, а с ней и советские историки ничего не знали о резервной 4-й дивизии, в связи с чем не исключено, что финнов в районе Медвежьегорск – Масельга было побольше.

На Онежско-Ладожском (Олонецком) перешейке оборонялась группа «Олонец» (командующий генерал-лейтенант К. Л. Оеш), имевшая на передовой 5-ю, 7-ю, 8-ю и 11-ю пехотные дивизии и 15-ю пехотную бригаду, а в резерве – 17-ю пехотную дивизию и 20-ю пехотную бригаду. Численность группы «Олонец» (опять же по советским данным) составляла 76 тыс. чел. при 580 орудиях и 30 танках. И вновь следует отметить, что советская сторона не имела данных о 17-й дивизии и 21-й бригаде, вследствие чего и численность финнов в этом районе могла быть занижена. К сожалению, уточнить эти сведения пока не удастся, потому что финские историки не дают никакой информации о численности оборонявшихся на Масельском и Олонецком перешейках войск, сообщая лишь, что финская пехотная дивизия имела в своем составе 14500 чел., а пехотная бригада – 7900 чел.

На побережье Онежского озера – на стыке II армейского корпуса и группы «Олонец» – находились позиции Онежской береговой бригады, в которой на 15 июня 1944 г. числились 5642 чел. и 65 орудий калибра 75-152 мм. На Ладожском побережье располагалась Ладожская береговая бригада, состоявшая в оперативном подчинении группы «Олонец».

Таким образом, всего в Восточной Карелии финское командование имело 9 пехотных дивизий, 3 пехотные и 2 береговые бригады, а также значительное количество отдельных подразделений. Их оборонительные порядки усиливали Масельский, Свирский и Олонецкий (линия PSS) укрепрайоны, включавшие сотни дотов, дзотов, артиллерийских и пулеметных позиций, десятки километров траншей и проволочных заграждений с установленными перед ними противотанковыми препятствиями и минными полями. Все это еще весной 1944 г. вселяло в финское командование уверенность в

возможности остановить ожидаемое наступление противника. Однако начавшиеся под Ленинградом бои сразу же продемонстрировали призрачность этих надежд. Первая линия финских укреплений на Карельском перешейке была прорвана мгновенно, и данное обстоятельство заставляло предполагать, что такая же судьба ожидает и оборонительные позиции в Карелии. Для финнов территория Восточной Карелии имела важное стратегическое значение. Удерживая ее, они, как им казалось, владели неким политическим козырем, с помощью которого можно будет повлиять на ход грядущих переговоров о мире. Потеря Карелии означала потерю этого козыря, но еще большую беду сулили потери Карельского перешейка и возможность прорыва советских войск в Южную Финляндию. Поэтому главнокомандующий финской армией маршал К. Г. Маннергейм уже в первые часы советского наступления распорядился начать переброску войск из Карелии на Карельский перешеек.

10 июня отдается приказ о переводе туда 4-й пехотной дивизии, но, не желая пока оставлять II армейский корпус без резерва, на освободившееся место финская ставка отправляет 20-ю пехотную бригаду со Свири. Уже на следующий день ее первый батальон прибыл на станцию Медвежья Гора, однако 12 июня последовал другой приказ: 20-й пехотной бригаде и 17-й пехотной дивизии следовать на Карельский перешеек. Все это, безусловно, ослабило финскую группировку в Карелии, но заметим, что речь пока идет о соединениях второго эшелона. Войска первой линии, как и прежде, находились на боевых позициях, и советское командование еще ничего не знало о том, что происходит в стане противника.

14 июня маршал К. Г. Маннергейм назначает генерал-лейтенанта К. Л. Оеша командующим войсками Карельского перешейка. Вместо него командующим группой «Олонец» становится генерал-лейтенант П. Талвела, которого на Масельгском перешейке заменяет генерал-майор Э. Мякинен. Отправляясь к новому месту службы, генерал Оеш добивается у главнокомандующего разрешения забрать с собой еще одно соединение. Этим соединением была 11-я пехотная дивизия из состава V армейского корпуса группы «Олонец». Генерал Талвела протестовал, но его голос услышан не был.

Протест генерала объясняется тем, что это решение, в отличие от прежних, касалось войск, располагавшихся непосредственно на линии фронта. В ней после ухода 11-й дивизии неминуемо образовывалась немалая брешь, заткнуть которую можно было, растянув (и тем самым ослабив) боевые порядки ос-

тававшихся частей. Но сомнений в возможностях противника прорвать такую оборону теперь уже не было, и, не желая рисковать, финское командование пошло другим путем. 16 июня 1944 г. был отдан приказ об отводе основной части войск группы «Олонец» на северный берег реки Свирь и о начале эвакуации всей Восточной Карелии. В ее тыловых районах тут же принялись спешно собираться домой, а по дорогам Свирского сектора к немногочисленным мостам через Свирь потянулись обозы, артиллерийские парки и колонны пехоты. Едва последние солдаты переходили с одного берега на другой, гремели взрывы и мосты взлетали на воздух. Противник оставался где-то за рекой, с души падал тяжелый камень, в связи с чем в журнале боевых действий одного батальона даже появлялась многозначительная запись: «Итак, Свирь осталась позади! До свидания!»

Начиная столь масштабную переброску своих сил, финское командование резонно опасалось, что противник попытается помешать движению воинских эшелонов и колонн. Но на удивление все прошло относительно спокойно, вследствие чего сам по себе напрашивается вывод об очевидном промахе командования Карельского фронта. Имея, как нас уверяют многочисленные издания, очевидное превосходство как на земле, так и в воздухе, оно, тем не менее, не только не смогло нарушить дальние тыловые коммуникации финнов, но и не воспрепятствовало его перемещениям в ближней прифронтовой зоне. В общем и целом, такой вывод вряд ли у кого вызовет серьезные возражения. А вот почему случилось так – в этом следует разобраться.

Сегодня мало кому известно, что еще 1 июня 1944 г. о грядущем наступлении войск Карельского фронта в Карелии знали лишь несколько человек. Всю весну фронт готовился наступать, но операции эти с ведома Ставки Верховного Главнокомандования планировались на Севере – на кандалакшском и мурманском направлениях. Однако 30 мая командующий фронтом генерал армии К. А. Мерецков был вызван в Москву, где перед ним была поставлена задача «очистить от финляндских войск Южную Карелию». 1 и 2 июня там же, в Москве, были проработаны первые детали операции. 3 июня командующий фронтом провел рекогносцировку местности в районе Лодейного Поля, где предполагалось нанести главный удар. 9 июня последовал повторный вызов в Москву и окончательный приказ: «срочно разбить свирско-сортальскую вражескую группу войск». На подготовку операции отводилось не более 10 дней.

В соответствии с планом главный удар из района Лодейное Поле должны были наносить войска 7-й армии (командующий генерал-лейтенант А. Н. Крутиков) в направлении Олонец – Питкяранта – Сортавала. 32-я армия (командующий генерал-лейтенант Ф. Д. Гореленко) наносила вспомогательный удар с линии Повенец – Великая Губа в направлении Медвежьегорск – Юстозеро – Суоярви и далее в сторону границы. Для наступления на Петрозаводск обе армии должны были выделить часть своих сил, которым предстояло двигаться навстречу друг другу вдоль берега Онежского озера. Цели и общий замысел операции хорошо известны историкам, однако они почему-то порой забывают сообщить одну важную деталь. Еще 10 июня, когда началась решающая фаза подготовки наступления, сил и средств, необходимых для успешного решения поставленных задач, Карельский фронт не имел.

На 1 июня 1944 г. в составе войск 7-й армии значились 3 стрелковые дивизии (114-я, 272-я и 368-я), 1 бригада морской пехоты, 2 морские стрелковые бригады, 2 укрепрайона (150-й и 162-й), 31-й отдельный батальон морской пехоты, различные артиллерийские, инженерные и иные части и 2 отдельных танковых полка (89-й и 92-й). В это же время в состав 32-й армии входили 4 стрелковые дивизии (27-я, 176-я, 289-я и 313-я), артиллерийские, инженерные и прочие части, а также 90-й отдельный танковый полк. К сожалению, точных данных о численности войск 7-й армии не имеется. Однако можно предположить, что она была примерно такой же (в крайнем случае, чуть больше), как и численность 32-й армии, которая к началу наступления составляла 34 тыс. чел. Нетрудно заметить, что численно обе советские армии уступали группировкам противника и если в чем-то и превосходили их, то в количестве артиллерийских орудий. Та же 32-я армия имела к 20 июня 540 пушек и минометов.

Рассчитывать на успех в наступлении такими силами было невозможно, тем более что у противника, как уже отмечалось, имелись мощные оборонительные линии. Требовались подкрепления, которые, согласно приказу Ставки, после 10 июня начали прибывать и размещаться в заранее подготовленных местах. При этом следует учитывать, что дополнительные силы получила только 7-я армия (32-я ограничилась маршевыми пополнениями) и что силы эти включали в себя только соединения и части наземных войск. Воздушную поддержку наступления фронт должен был обеспечить сам, дивизиями своей 7-й воздушной армии. В июне 1944 г. армия имела 875 самолетов, и в Москве решили, что этого для выполнения поставленных за-

дач вполне достаточно. Такое решение следует считать вполне обоснованным, однако сложность заключалась в том, что подавляющее большинство всех авиационных частей 7-й воздушной армии находилось на северном фланге фронта. Оттуда на юг предстояло перевести 3 авиадивизии, что, заметим, было делом не самым простым. Проще всего, пожалуй, было организовать перелет авиаполков из одного района в другой. Однако в этом районе нужно было построить взлетно-посадочные полосы, подготовить запасы горючего, боеприпасов и прочего снаряжения, а главное – успеть перевезти наземный персонал авиаполков по железной дороге крупным путем через Архангельск и Вологду. Тем не менее операция по перебазированию была проведена быстро, можно сказать, в считанные дни. Но именно этих-то дней и хватило финнам, чтобы без особых помех перебросить свои дивизии из Восточной Карелии на Карельский перешеек.

Датой начала наступления войск Карельского фронта принято считать 21 июня 1944 г. Однако верным такое утверждение является лишь относительно действий основных сил 7-й армии, форсировавших Свирь в районе Лодейного Поля. На другом участке фронта той же 7-й армии, равно как и на медвежьегорском направлении, где наносили удар дивизии 32-й армии, наступление началось на день-два раньше.

Особенностью оборонительных линий 7-й армии было то, что на левом фланге они проходили либо по берегу Свири, либо в непосредственной близости от него, а в центре и на правом крыле, где финнам осенью 1941 г. удалось добиться наибольшего успеха, передовые позиции располагались примерно в 25-30 км к югу от реки. В этих местах в начале лета 1944 г. оборонялись подразделения 368-й стрелковой дивизии и 150-го Новгородского укрепрайона. В соответствии с планом они, как и остальные соединения 7-й армии, должны были принять участие в форсировании Свири. Однако прежде чем сделать это, им предстояло пройти те самые километры, что отделяли их позиции от берегов реки. Забегая вперед, заметим, что путь этот был пройден, но сегодня о нем почему-то вспоминают очень редко.

В ночь на 18 июня 1944 г. разведгруппа 1228-го стрелкового полка 368-й стрелковой дивизии сделала попытку проникнуть в расположение противника с целью захвата «языка». Однако попытка не удалась, финны открыли огонь, и разведчики вернулись обратно ни с чем. Днем на передовой было на удивление тихо. Противник не стрелял, и лишь откуда-то из глубины его обороны доносились громкие взры-

вы, после которых к небу поднимались языки пламени и столбы дыма. В 22 час. в направлении финских позиций двинулась разведгруппа 1224-го полка. Разведчики беспрепятственно добрались до финской траншеи и обнаружили, что она пуста. Об этом было незамедлительно доложено в штаб дивизии, откуда в 23 час. по телефону поступил приказ полкам провести массовую разведку перед всем фронтом обороны противника. К 2 часам ночи 19 июня стало ясно, что противник повсеместно покинул свои позиции. После этого командир 368-й стрелковой дивизии генерал-майор В. К. Сопенко отдал приказ перейти в наступление. 1224-й стрелковый полк (командир подполковник И. В. Ивановский) должен был наступать в направлении Миново – Вознесенье, 1226-й (командир подполковник А. Т. Алешин) – на Шумилино – Бараны – Травники – Нимпельда, а 1228-й (командир подполковник П. И. Кулаков) – на Сяргозеро – Посад – Нижние Виданы.

По данным журнала боевых действий дивизии, противник отходил, не оказывая серьезного сопротивления и прикрываясь лишь мелкими группами автоматчиков. Однако в своих воспоминаниях бывший командир 1224-го стрелкового полка И. В. Ивановский писал, что через каждые 3–4 км пути встречались опорные пункты противника, которые приходилось брать с боем. Так или иначе, но движение было медленным, потому что финны потрудились и не только разрушили дороги и мосты, но еще и густо напичкали их минами. Средняя плотность одних только противотанковых мин составляла 50 – 90 шт. на 1 км, не говоря уже о минах противопехотных и минах-сюрпризах (в виде фонариков и разных безделушек), в изобилии встречавшихся на всем пути. Без подрывов в таких условиях не обошлось, но дивизия шла вперед, причем даже артиллерия – как полковая, так и дивизионная (939-й пушечный полк и 399-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион) – не отставала от пехоты. В 20 час. 19 июня 1224-й стрелковый полк вышел на свирский берег в районе Вознесенья, а к 2 час. 20 июня все части и подразделения дивизии достигли указанных рубежей. Перед ними расстилалась полоса воды шириной от 300 – 400 до 600 – 800 м, над ней у Вознесенья торчали остатки моста, еще поутру взорванного саперами из финского 35-го саперного батальона, а далее виднелся занятый финнами берег, о котором никто ничего не знал.

В таких условиях следовало подтянуть артиллерию и тылы, произвести разведку переднего края противника и подготовиться к переправе. В течение дня 20 июня финны вели постоянный пулеметно-артиллерийский обстрел, выпустив только по

Вознесенью около 3 тыс. снарядов и мин. В свою очередь, дивизионная и полковая артиллерия, по мере подхода, открывала ответную стрельбу с закрытых позиций и прямой наводкой. В результате разведывательных мероприятий было установлено, что на северном берегу Свири обороняется 9-й пехотный полк 7-й дивизии финнов, обнаружено более 30 пулеметных точек, несколько дотов и дзотов, а также установлено местоположение 4 артиллерийских батарей на 8 огневых позициях, 3 минометных взводов на 5 огневых позициях и порядка 10 противотанковых пушек. Всего у финнов удалось выявить 36 орудий, что, впрочем, не вызвало особого беспокойства, так как по всему выходило, что на 1 км фронта 368-я дивизия имела 27 орудий, тогда как противник – только 3. Большей неприятностью являлось то, что дивизия была лишена штатных переправочных средств, которые по приказу штаба армии были направлены в район Лодейного Поля, где намечалось нанесение главного удара. Поэтому полкам приходилось готовиться плыть на правый берег Свири на том, что удастся найти или в срочном порядке соорудить.

Первым вечером 20 июня переправу начал 1228-й полк, которому к утру следующего дня удалось захватить остров Вязостров. В ходе упорного боя был уничтожен гарнизон острова (120 чел.) и захвачены трофеи: 37-мм противотанковая пушка, противотанковое ружье, 2 станковых пулемета, 10 автоматов и 60 винтовок. 1 финский солдат был взят в плен. Надо сказать, что насчет пленного и трофеев особых сомнений не возникает (сколько взяли, столько и сосчитали), а вот относительно «уничтоженного» гарнизона надо разбираться, потому что финны, как, пожалуй, никто другой, чувствовали, когда можно атаковать, а когда нужно убраться восвояси, и положить их в таком количестве было ой как непросто. В свою очередь, врагов своих они тоже не «пожалели», и в сводке штаба группы «Олонец» было заявлено, что только убитыми русские потеряли 100 чел., а еще 1 солдат был взят в плен. Так или иначе, но с захватом Вязострова 368-я стрелковая дивизия получала удобный плацдарм для дальнейших действий, и именно здесь на следующий день будет осуществлена дальнейшая переправа (с острова на северный берег Свири) 1226-го и 1228-го полков.

В тот же вечер 20 июня, когда первые подразделения 368-й стрелковой дивизии форсировали Свирь в районе Вязострова, на северном берегу Онежского озера перешли в наступление полки 313-й, 289-й и 176-й стрелковых дивизий 32-й армии. К этому времени финны, отправив 4-ю пехотную дивизию на

Карельский перешеек, начали отвод части своих сил из-под Масельги и Повенца, и теперь перед фронтом армии располагались 56-й полк 1-й пехотной дивизии, 33-й полк 6-й пехотной дивизии, 21-я пехотная бригада, 5-й полевой артиллерийский полк и ряд более мелких (артиллерийских, пограничных, саперных и крепостных) подразделений. Оборонительный потенциал противника был ослаблен, что, безусловно, облегчило стоявшую перед дивизиями задачу. Однако, учитывая труднодоступную для движения войск местность, а главное – наличие мощных оборонительных сооружений Масельгского укрепрайона, следует признать, что легкой поставленная перед ними задача не была.

На крайнем левом фланге армии – по берегу Онежского озера действовала 313-я Краснознаменная стрелковая дивизия (командир подполковник Н. Ф. Цыганков) в составе 1068-го (командир подполковник И. В. Руденко), 1070-го (командир подполковник И. Е. Пильщиков) и 1072-го (командир подполковник В. Ф. Бабенко) полков. Дивизия должна была наступать в направлении Повенец – Медвежьегорск. В первые же часы боя оборона финнов была прорвана и полкам удалось продвигаться вперед по всему фронту. К 2 час. ночи 21 июня батальоны 1070-го стрелкового полка очистили от финнов поселок Повенец, а на рассвете авангард 3-го батальона 1072-го стрелкового полка ворвался в Пиндуши. Вслед за ним подошли основные силы дивизии, которые к вечеру завязали бой на восточной и северо-восточной окраине Медвежьегорска.

Из опубликованных недавно в Интернете финских архивных документов следует, что полкам 313-й дивизии предстояло прорвать оборону сектора «Кархумяки» («Медвежья Гора»), включавшего в себя хорошо укрепленные позиции как в самом городе, так и за его пределами – в районе совхоза Вички и далее на несколько километров к северу. Руководство сектором было возложено на командира 33-го пехотного полка 6-й дивизии полковника А. Куренмаа. Непосредственно в городе 21 июня 1944 г. находились 2 пехотные (13-я и 14-я) и пулеметная (усиленная пулеметным взводом) роты 33-го пехотного полка, 3-я рота 12-го саперного батальона, 2-й взвод 20-й отдельной крепостной роты (в дотах медвежьегорских высот) и 2-й взвод 14-й артиллерийской роты. Войсками, занимавшими позиции на городском участке сектора «Кархумяки», командовал командир 3-го батальона 33-го пехотного полка майор О. Лааксонен.

На загородном участке оборонялись 3-й батальон и взвод 45-мм пушек артиллерийской роты 21-й пехотной бригады, а также 5-й взвод 20-й отдельной

крепостной роты (в дотах на высотах у Вички). Обороной на этом участке руководил командир 3-го батальона 21-й пехотной бригады подполковник Т. Копонен. Артиллерийская группа сектора «Кархумяки» (командир группы майор Сёдерстрём) включала в себя 4-й тяжелый, 11-й легкий и 21-й легкий (без одной батареи) дивизионы, которых при необходимости могли поддержать 4 батареи соседнего сектора, находившиеся в районе озера Кальозеро. К западу от Медвежьегорска (вплоть до Чёбино) находились резервные подразделения (2 батальона 21-й бригады, 2 батальона 33-го пехотного полка, а также егерская, артиллерийская роты и т. д.). Об общей численности всех этих войск данных пока нет, но следует иметь в виду то, что по своей численности финская пехотная бригада превосходила советскую стрелковую дивизию (по финским данным, 7900 против 6600 чел.).

Между тем на другом крыле советского наступления – на Свири – 21 июня 1224-й полк 368-й дивизии все еще стоял на своих позициях в районе Вознесенья и его действия ограничились лишь отправкой к финскому берегу разведгруппы «с целью захвата пленного и установить его инженерные заграждения». В журнале боевых действий дивизии этот эпизод описан несколькими строчками машинописного текста, в книге по истории 368-й стрелковой дивизии передан в виде трагической «неудачи» и только в неопубликованных воспоминаниях И. В. Ивановского сказано, чем была вызвана эта «неудача».

Поводом ко всему, что случилось в тот злосчастный день на Свири у Вознесенья, стало боевое донесение, неловко составленное накануне в штабе 1224-го полка. Прочитав его, в дивизии решили, что полк, действуя недостаточно активно, упустил противника, позволил ему уйти и сейчас стоит, не решаясь переправиться на никем не занятый северный берег реки. Утром в Вознесенье прибыли комдив с чинами штаба, которые потребовали от комполка отправить на другую сторону Свири разведку для прояснения обстановки. Приказ нужно было выполнить, и через некоторое время от берега отчалили 3 лодки, на которых находились 17 чел. во главе с командиром взвода 6-й роты лейтенантом Г. С. Хрипуновым. Большая часть пути была пройдена без помех, но, когда до противоположного берега оставалось около 150 м, заговорили финские пушки и пулеметы. В считанные минуты все было кончено. Ни лодок, ни людей на поверхности воды не осталось. Несколько снарядов упали на берегу там, где стояли штабные начальники, и тем пришлось срочно лечь на землю. По окончании обстрела все они, убедившись в том, что противник никуда не делся, благопо-

лучно покинули «место происшествия», а из разведчиков в живых остались лишь двое, которые сумели добраться до развалин моста и дожидаться того момента, когда полк начнет переправу. «...Остальные 15 были потоплены у р. Свирь».

О том, что случилось 21 июня на реке у Вознесенья, вскоре постарались забыть (на то она и война), а о том, что тогда же произошло на другом участке фронта – возле Лодейного Поля, – и в России, и в Финляндии помнят и по сей день. В 8 час. утра на финские позиции обрушился град бомб и снарядов, в полдень началась переправа войск 7-й армии, а к вечеру на северном берегу Свири был создан плацдарм до 16 км по фронту и 6 – 8 км в глубину. Началась решающая фаза боев за освобождение Карелии. Понимая, чем грозит ему успех советского наступления на онежском направлении, финское командование ускорило темпы вывода своих войск из района, примыкающего к Онежскому озеру. При этом не надо забывать, что у финнов еще оставался козырь, с помощью которого они надеялись замедлить советское наступление. Этим козырем были укрепления в районе Медвежьегорска и на берегу Свири.

Бои на окраинах Медвежьегорска начались вечером 21 июня, но вскоре стало ясно, что взять город с ходу атакой в лоб не удастся. В этой связи командир 313-й стрелковой дивизии полковник Н.Ф. Цыганков решил сделать паузу, провести разведку обороны противника и перегруппировать свои силы. В 13 час. 22 июня 1072-й и 1070-й полки пошли в атаку, но вновь не имели успеха. Правда, в ходе боя были захвачены гостиница ББК и несколько каменных зданий города, но все ключевые позиции остались в руках финнов.

Более удачными оказались в этот день действия 368-й стрелковой дивизии. Утром 22 июня генерал-майор В. К. Сопенко отдал боевое распоряжение о форсировании Свири, а вечером, соответственно, в 20 час. 30 мин. и 21 час, 1226-й и 1228-й полки начали переправу, используя захваченный накануне плацдарм на Вязострове. Артиллерия (50 пушек и 65 минометов) подавила огневые точки противника, и переправа прошла без особых потерь. Финны были выбиты из деревни Нимпельда и ушли, бросив 6 пушек, 2 станковых и 3 ручных пулемета, 10 винтовок и несколько складов с боеприпасами и различным имуществом. После этого полки двинулись по расходящимся линиям: 1228-й полк – в общем направлении село Ладва – станция Ладва – Петрозаводск, а 1226-й – по берегу Свири в направлении Пролетарская Сторона (предместье пос. Вознесенье).

Последним уже утром следующего дня через Свирь в районе Вознесенья на участке фронта шириной около 6 км должен был переправляться 1224-й стрелковый полк. Артиллерийскую поддержку переправы осуществляли 37 орудий полковой и дивизионной артиллерии. Однако этим дело не ограничилось, потому что еще накануне по Онежскому обводному каналу в район поселка Жабинец были выдвинуты катера Онежской флотилии (4 бронекатера с семью 76-мм пушками на борту и 4 минных катера с установками залпового огня М-13). В 5 час. утра 23 июня катера, а следом и орудия полевой артиллерии начали артподготовку. Тут же на воду были спущены десятки плотов и лодок, на которых к противоположному берегу устремились батальоны 1224-го полка.

Для находившихся в Пролетарской Стороне финнов столь ранняя «побудка» оказалась неприятной неожиданностью. Серьезного сопротивления они не оказали, а предпочли спешно уйти, оставив на кухнях бачки с недочищенной картошкой, в дотах – пулеметы, а на огневых позициях – 11 исправных пушек (и еще 10 складов с различным военным имуществом). Это позволило 1224-му стрелковому полку переправиться через Свирь без потерь. По словам И. В. Ивановского, в этот день лишь один человек из его полка получил легкое осколочное ранение, да и то, похоже, от разрыва своего же снаряда. Дальнейшая переправа осуществлялась сначала на сторожевых катерах Онежской флотилии, а затем, после 15 час., с этой целью были поданы буксиры и баржи. На следующий день по приказу командира дивизии в районе Вознесенья началось строительство моста через реку Свирь длиной 900 м (мост был построен к 23 час. 25 июня).

А в это время 313-я дивизия вела бои в Медвежьегорске и его окрестностях. В течение дня 23 июня 1068-й полк по бездорожью пробивался к дороге, ведущей на Чёбино, а 1072-й полк выбил финнов сначала со станции Вичка, а потом, прорвавшись сквозь линию вырубленных в скалах окопов и дотов, и из совхоза Вичка. В 17 час. 20 мин. при поддержке артиллерии и самолетов-штурмовиков началась атака главной оборонительной полосы финнов, проходившей по медвежьегорским высотам. В ходе длившегося несколько часов боя батальоны 1070-го и 1072-го полков прорвали позиции противника и овладели большей частью города. Но кое-где финны продолжали сопротивляться, и тогда в атаку пошли танки 90-го отдельного танкового полка, незадолго до этого приданного 313-й стрелковой дивизии. По имеющимся данным, всего в составе

полка имелось 3 танка Т-28, 8 танков Т-26, 15 танков Т-30, 1 танк Т-60 и 3 танка Т-38. Удар танкисты с десантом автоматчиков нанесли во фланг и тыл противнику, занимавшему военный городок и санаторий. Атака имела успех, и позднее один из пленных финнов заявил на допросе: «Ваш огонь и внезапное появление танков на западе нашей позиции настолько нас ошеломили, что мы все буквально сошли с ума, растерялись». Впрочем, о бегстве и повальном сумасшествии финнов речи не шло. К исходу дня они организовали 2 контратаки и кое-где даже потеснили противника. И только вводом в бой своего резерва командиру дивизии полковнику Н. Ф. Цыганкову удалось стабилизировать положение.

После этого остатки разбитого финского гарнизона были вынуждены уйти из Медвежьегорска. По советским данным, в боях за город финны потеряли более 1300 чел. убитыми и ранеными, но цифра эта сильно завышена. По имеющимся сведениям, общие потери 3-го батальона 33-го пехотного полка составили 80 чел. Сколько потеряли другие оборонявшиеся в Медвежьегорске подразделения, пока неизвестно. Финны, в свою очередь, оценили потери противника примерно в 700-800 чел., что, вероятно, тоже завышено. Пока же, на основании имеющихся сведений, можно говорить, что при взятии города погибло не менее 120-170 чел. и еще не менее 180 получили тяжелые ранения. Что касается взятых трофеев, то, по опубликованным данным, в Медвежьегорске и его округе части 313-й стрелковой дивизии захватили 50 орудий и минометов, 49 пулеметов, много стрелкового оружия, 2 самолета, 11 паровозов, более 300 вагонов, 170 автомашин, склад с вещевым имуществом, склад с боеприпасами и 3 продовольственных склада.

В итоге боев 20 – 23 июня обе наступавшие по онежскому берегу советские дивизии – 368-я и 313-я – смогли прорвать оборонительные линии противника и выйти на оперативный простор (если, конечно, такое понятие можно применить к Карелии с ее лесами, болотами, озерами и малым количеством дорог). При этом нельзя не заметить: успех этот явился прямым следствием того, что даже сегодня кое-кто считает ошибкой советского командования. Речь идет о тех 10 днях, которые отделили наступление Карельского фронта от наступления фронта Ленинградского. За это время финны смогли перебросить на Карельский перешеек из Карелии 4 дивизии и 1 бригаду, что, в конечном итоге, и позволило им остановить наступление войск Ленинградского фронта. Но за все приходится платить, и платой в данном случае оказались ослаблен-

ные позиции на Олонецком и Масельгском перешейках. Построенные в этих местах оборонительные линии не оправдали возлагавшихся на них надежд и не окупили затраченных на их возведение средств. А они, к слову, были немалыми. Согласно отчету министерства обороны Финляндии от 25 июля 1944 г., с 1 января 1942 г. по 1 июня 1944 г. на строительство фортификационных сооружений в районе Свири и Онежского озера было затрачено 358 млн марок, а на возведение укреплений в районе Масельги и Ругозера – 304 млн марок.

Сегодня все эти вырубленные в гранитных скалах доты, убежища и траншеи вызывают восторг у туристов, которые, однако, не подозревают, что имеют дело с деньгами, выброшенными на ветер. Впрочем, всяк волен тратить свои деньги по собственному разумению. Мы же отметим другое. Поспешный вывод финских дивизий из Карелии оказался на руку войскам Карельского фронта. Следствием его явилось то, что практически без боя части 368-й стрелковой дивизии и 150-го укрепрайона заняли территорию на южном берегу Свири, которую финны укрепляли с конца 1941 г. И хотя здесь не было железобетонных дотов и стальных колпаков, но отсутствие их с лихвой компенсировалось продуманной системой деревоземляных укреплений, штурм которых неминуемо был бы связан с большими потерями. Очень слабым оказалось сопротивление финнов на северном берегу Свири. И это при том, что здесь оборона строилась по последнему слову финской фортификационной мысли. Что касается Масельгского укрепрайона, то можно предположить, что в иных условиях прорвать его силами трех немногочисленных дивизий, что имелись в составе 32-й армии, и вовсе было невозможно. Тем не менее прорыв состоялся, состоялся в самый короткий срок и с минимальными потерями.

24 июня наступление продолжилось. 368-я стрелковая дивизия, переправившись через Свирь, двинулась на Петрозаводск двумя отдельными колоннами, разрыв между которыми доходил до 60 км. Основные силы (1224-й и 1226-й стрелковые полки, 939-й артиллерийский полк) пошли по дороге вдоль Онежского озера. В авангарде двигался 1224-й полк, из состава которого был выделен отряд преследования: 3 автомашины с автоматчиками и саперами и 4 танкетки (вероятно, тягачи Т-20 «Комсомолец») с батареей 45-мм пушек из состава 399-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. Отряд, «преодолевая сильно минированные участки дорог, обочин, ведя бои с отдельными груп-

пами автоматчиков численностью в 40-60 чел., к исходу дня достиг рубежа Щелейки».

1228-й стрелковый полк, действуя в отрыве от главных сил, в 2 час. ночи 24 июня занял деревню Погост и вышел на рубеж деревни Князево. Чуть позже в штабе дивизии была принята шифровка, в соответствии с которой 150-й укрепрайон, также переправившийся через Свирь, оперативно подчинялся командиру 368-й дивизии. Получив ее, генерал В.К. Сопенко передал 1228-й стрелковый полк в оперативное подчинение коменданту 150-го укрепрайона и приказал обеим частям двигаться на Петрозаводск вдоль линии железной дороги.

24 июня по радио прозвучал приказ Верховного Главнокомандующего о форсировании войсками Карельского фронта реки Свирь. В Москве в 20 час. 30 мин. был произведен салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий, а в журнале боевых действий 368-й стрелковой дивизии было записано, что «за отличные боевые действия всему личному составу дивизии объявлена благодарность тов. Сталина».

В это же время продолжались бои юго-западнее Медвежьегорска, где, по советским данным, подразделения 313-й стрелковой дивизии смогли окружить и разгромить 3-й батальон 33-го пехотного полка финнов. К вечеру 24 июня было получено боевое распоряжение штаба дивизии, в соответствии с которым 1068-й и 1072-й стрелковые полки должны были двигаться в направлении лесопункт Падун – деревня Чебино, а 1070-му стрелковому полку предписывалось продолжить преследование противника в направлении станция Лижма – Кондопога – Петрозаводск. В поддержку ему была выделена 1-я рота 90-го отдельного танкового полка.

Дороги, по которым приходилось двигаться наступающим подразделениям, прикрывались сравнительно небольшими заградотрядами финнов (саперами и автоматчиками), которые действовали из засад и после короткого боя уходили, перегородив путь минно-взрывными заграждениями различных видов. Именно мины и фугасы, в огромном количестве выставленные на проезжей части и обочинах дорог, на лесных тропах и между деревьями, представляли главную угрозу и основную преграду. В отдельных местах на дорогах были устроены лесные завалы глубиной в несколько сотен метров, внутри которых тоже таилась смертельная опасность. Не разобрав завалы, нельзя было идти вперед, а чтобы разобрать, требовалось не только растащить сваленные деревья и телеграфные столбы, но и обезвредить десятки мин. На это уходило немало времени, в течение которого противник успевал подгото-

вить новое препятствие, достигнув которого, нужно было все начинать сначала.

25 июня в течение дня части 368-й стрелковой дивизии продолжали движение в сторону Петрозаводска. 1228-й полк преследовал отступающих финнов вдоль реки Ивина в направлении села Ладва, 150-й укрепрайон шел вдоль железной дороги на станцию Ладва, а главные силы дивизии к исходу дня достигли Рыбреки. Здесь финны оказали более серьезное сопротивление и в ходе завязавшегося боя были ранены командир 1224-го полка подполковник И. В. Ивановский, его заместитель майор Винокуров и командир 2-го батальона майор Сенчуков. В этой связи в 21 час 1224-й полк был выведен в состав главных сил, а его место в авангарде занял 1226-й полк. Новым командиром 1224-го полка был назначен майор Белов, бывший до этого заместителем командира 1226-го полка.

1070-й полк 313-й стрелковой дивизии, двигаясь на Петрозаводск с севера, частью сил овладел деревней Уница, а основными силами преследовал уходящий по дороге Кяппесельга – Кондопога 1-й отдельный батальон противника. Финны шли быстро, в бой не вступали, а потому единственной угрозой для них были атаки с воздуха. Так, между 13 и 14 час. 25 июня 2 советских истребителя атаковали колонну батальона, в результате чего были повреждены 3 машины, ранены 4 или 5 лошадей, а один солдат получил травмы при аварии автомобиля.

26 июня командир 368-й стрелковой дивизии генерал-майор В. К. Сопенко принимает решение осуществить задуманную еще ранее высадку десанта в Лахтинской бухте (1,5 км севернее Шелтозера) с целью отрезать путь отхода заслону и группе минеров противника и уничтожить находившиеся в Шелтозере финские подразделения. В 13 час. десант численностью 97 чел. (6-я рота 1224-го полка) был без помех высажен на берег и вскоре перерезал дорогу, ведущую на Петрозаводск. В этой части сведения советских и финских архивов различий не имеют, но далее данные расходятся. По записи в журнале боевых действий 7-й пехотной дивизии финнов, десант после нескольких контратак был практически полностью уничтожен и отступил, потеряв 120 чел. убитыми. Такого же мнения придерживаются и современные финские историки. Однако, по советским данным, потери десанта не превышали 20-25 чел. убитыми, а «в результате боя десант разгромил противника и ...соединился с главными силами дивизии. Остатки разбитого противника в беспорядке бежали в северном направлении, оставив на поле боя свыше 80 чел. убитых и раненых».

Бой возле Шелтозера продолжался несколько часов. Положение десанта было сложным, но в 18 час. с юга к селу подошли передовые подразделения 368-й дивизии (полковая и дивизионная разведка) и через полтора часа выбили финнов с занимаемых позиций. Те отступили, потеряв 26 чел. убитыми и ранеными (в том числе 4 офицеров) и бросив 2 миномета, 4 станковых пулемета, около 100 винтовок и автоматов, склад с боеприпасами и склад с продовольствием. Интересно, что хотя в оперсводке разведотдела финской ставки за 26 июня и говорится об уничтожении возле Шелтозера русского батальона, однако тут же сообщается, что вскоре после такого «разгрома» противник достиг Шокши (около 25 км к северу от Шелтозера).

1228-й стрелковый полк около 15 час. 26 июня без боя занял село Ладва, а к 20 час. его разведка подошла к станции Ладва, которую обороняло до роты противника. В ходе двухчасового боя атакой двух рот с юга и востока полк овладел станцией и удерживал ее до середины следующего дня – до подхода подразделений 150-го укрепрайона¹.

Как показали дальнейшие события, село Шелтозеро и станция Ладва оказались последними точками на пути к Петрозаводску, где финны оказали сопротивление наступающим советским войскам. Объясняется это, видимо, тем, что финское командование посчитало выполненной свою главную задачу. Начиная с 17 июня оно, боясь оказаться в окружении на берегу Онежского озера, принимало все меры по выводу отсюда своих войск и вывозу наиболее ценного имущества. После 21 июня, когда началось общее наступление войск Карельского фронта, страх окружения сделался еще большим, в связи с чем ускорились и темпы эвакуации.

Особое внимание уделялось подразделениям Онежской береговой бригады, которые в течение недели были в спешном порядке выведены и из районов, лежавших южнее Петрозаводска (4-й береговой артиллерийский полк), и из Заонежья (14-й береговой артиллерийский полк). При этом часть из них сразу же ушла в маршевом порядке по дорогам, а часть – в первую очередь островные батареи и гарнизоны – пришлось сначала эвакуировать водным путем на транспортах и баржах 4-го морского батальона. К 24 июня кораблями в Петрозаводск и ряд других пунктов на побережье было перевезено 6112 тонн различных грузов, которые на автомобилях и железнодорожных платформах сразу же отправились либо в Финляндию, либо в район Ладожского озера. Вслед за ними по рельсам на запад покатились и суда. Но не все. Некоторым не досталось платформ, а некоторые из-за своих размеров на эти

платформы просто не помещались. Поэтому часть плавсредств финны вывезли, а остальные решено было уничтожить. Суда – буксиры, катера, транспорты и баржи – топили, взрывали и жгли в Медвежьегорске, Кондопоге, у Большого Клименецкого острова и прямо в открытом озере. Но основная часть их была уничтожена возле Петрозаводска (в районе Ивановских островов) и в Петрозаводской губе (у Лойострова). В итоге к 24 июня финский флот на Онего был почти полностью ликвидирован. Остались лишь 1 транспорт, 2 буксира, 3 переоборудованные из буксиров канонерские лодки и 4 катера-тральщика. Ночью 27 июня все они собрались в гавани Северной Точки.

27 июня шедший на Петрозаводск с севера 1070-й полк 313-й стрелковой дивизии занял станцию Лижма и двинулся в сторону Кондопоги, до которой оставалось около 30 км. 1226-й полк, совершая марш в авангарде 368-й стрелковой дивизии, к исходу дня вышел на рубеж реки Мерозлов (10 км южнее Педасельги). 1228-й полк, накануне взявший станцию Ладва, 27 июня меняет маршрут своего движения. «Ввиду совершенно непригодной, разрушенной и сильно заминированной дороги вдоль ж[елезной] д[ороги] на Петрозаводск, по которой возможно только лишь движение мелких групп пехоты», полк поворачивает в сторону Педасельги. Вслед за ним по этому же пути следует 150-й укрепрайон.

А в Петрозаводске в этот день завершалась эпопея финской эвакуации. Ранним утром 27 июня на Северной Точке были погружены на платформы и тотчас же отправлены на запад 4 катера-тральщика. В 5 час. 30 мин. на канонерках «Кархумяки», «Контупохья» и «Илмари», транспорте «Аанислинна» и буксирах «Эрки» и «Кулмус» были спущены военно-морские флаги Финляндии. Около полудня (примерно в 11-30 или 11-40 по хельсинкскому времени) загремели взрывы и один за другим суда начали погружаться в воду. В 14 час. (в 15-00 по московскому времени) их экипажи на нескольких машинах выехали из Петрозаводска и взяли курс на Турку. Всего, по имеющимся пока данным, в разных местах Онежского озера финны затопили около 70 различных плавсредств.

К вечеру 27 июня основная часть финских подразделений покинула Петрозаводск, но в городе еще оставались те, кому надлежало поставить послед-

¹ Карелия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы. Петрозаводск, «Карелия», 1975. С. 303 – 304; ЦАМО. Ф. 368 сд (1698). Оп. 1. Д. 12. Л. 168.

ную точку в истории финской столицы Восточной Карелии. Началось запланированное еще ранее уничтожение объектов городской инфраструктуры. По словам финского историка Ю. Куломаа, «разрушению подлежали... электростанции, силовые трансформаторы, кабельные шахты и электрораспределительные щиты, все плотины (дамбы) и мосты, пристанционный участок, водокачка железной дороги и портовые сооружения. Еще раньше в Соломенном была уничтожена лесная биржа и электростанция». Кроме того, была разрушена телефонная станция, а в разных местах на городских улицах, скверах и в отдельных домах было установлено большое количество мин. В 21 час. 30 мин. из Петрозаводска ушел последний поезд. Следом за ним, уже за полночь, из города одна за другой начали уходить отдельные группы финских военнослужащих. Последние из них покинули Петрозаводск между 8 и 9 час. 28 июня.

В эти же самые часы в озере находились главные силы советской флотилии (более 30 боевых и транспортных судов). Выйдя в 19 час. 27 июня из устья реки Вытегра, корабли сначала двигались в сторону Шалы, а около часа ночи, дойдя до мыса Бесов Нос, повернули на запад и в 5 час. 50 мин. оказались в 15 км к востоку от мыса Уйский. По сигналу флага на флотилия начала перестраиваться из походного порядка в боевой. Спустя некоторое время к берегу на полном ходу помчались 7 минных катеров, и в 6 час. 51 мин. грянул залп реактивных установок. В 7 час. загремели пушки бронекатеров, а через 15 минут на береговой песок бухты Уйская сошла первая волна десантников роты лейтенанта А.Ф.Молькетеллера. Следом один за другим начали подходить другие катера и корабли, с которых высаживались главные силы 31-го отдельного батальона морской пехоты. Не встречая сопротивления противника, десант быстро распространился по берегу и занял только что покинутое и подожженное финнами село Деревянное. Операция развивалась успешно, но вскоре в ее ход пришлось внести коррективы.

Следует заметить, что место для высадки десанта было выбрано не случайно. В разведотделе 368-й стрелковой дивизии было известно (и эта информация подтверждается финскими источниками), что на южной окраине села Деревянное (по берегу реки Деревянка) противником была создана сильная оборонительная позиция, прикрывавшая подступы к Петрозаводску. Считая, что финское командование попытается задержать или остановить здесь наступление советских войск, в штабе 7-й армии решали вопрос о высадке десанта или непосредственно в Петрозаводск, или

недалеко от него. Но командующий Карельским фронтом генерал армии К. А. Мерецков, в оперативном подчинении которого находилась флотилия, приказал ее командующему, капитану 1-го ранга Н. В. Антонову, высадить десант в Уйской губе – на самом фланге укрепрайона финнов.

Надо признать, что затеянная операция была очень рискованной и при ином повороте событий могла стоить немалых потерь. Однако финны, боясь лишний день задержаться на берегу Онежского озера, не стали дожидаться прихода русских и ушли, сняв береговые батареи и бросив готовые позиции в Деревянном. В самом селе утром 28 июня, по всей видимости, еще оставались небольшие заслоны, которые, постреляв для приличия, бежали, когда по ним нанесли удар сначала штурмовики 194-го штурмового авиаполка, а затем – орудия кораблей Онежской флотилии.

Заняв село Деревянное и перерезав петрозаводский тракт, десантники, в соответствии с планом, двинулись в сторону станции Деревянка. Однако в 8 час. 47 мин. командир звена истребителей 773-го авиаполка, летавший на разведку в район Петрозаводска, доложил по радио: «Желдормост севернее дер. Деревянное горит, в районе Петрозаводска мосты и пирсы горят, в Соломенном в районе мостов большой пожар». Стало ясно, что последние финны, уходя из Петрозаводска, стремятся причинить ему наибольшие разрушения. Стараясь не допустить этого и опасаясь за жизнь оставшихся в городе советских граждан, командующий флотилией капитан 1-го ранга Н. В. Антонов решает провести разведку района Петрозаводска.

В 9 час. 50 мин. 3-й отряд дивизиона минных катеров (командир отряда капитан-лейтенант А.Д. Шемякин, командиры катеров лейтенанты Н.Д. Капустин, Л. А. Кучеренко, А. Ф. Трифонов и С. А. Попов) под брейд-вымпелом командира дивизиона капитана 2-го ранга М. Ф. Крохина выходит в сторону Петрозаводска и примерно через полчаса подходит к Петрозаводской губе. Не имея никаких данных о противнике, командир дивизиона решает подстраховаться, и по его приказу катера дают залп из своих установок. В небо взметнулись и с ревом улетели в сторону городской набережной несколько десятков реактивных снарядов. Берег покрылся клубами огня и дыма...

Сегодня об этом факте истории у нас вспоминать не любят, хотя, если разобраться, ничего из ряда вон выходящего в нем не было. Во-первых, война тогда, куда ни кинь взгляд, еще шла не на чужой, а на своей земле, и в других местах подобные залпы были делом обычным и куда более

разрушительным. Во-вторых, вряд ли залп 82-мм реактивных снарядов причинил Петрозаводску разрушения, большие, чем те, что уже имелись на тот момент (а разрушать его начали еще осенью 1941 г.). А в-третьих, надо понимать моряков: им предстояло войти в узкую Петрозаводскую губу на дюралевых катерах, которые при желании можно было проткнуть гвоздем.

К счастью, никто в ответ не стрелял, и катера, не сбавляя ход, влетели в Петрозаводскую губу и прошли вдоль ее северного берега, потом повернули обратно и пошли вдоль набережной. Как вспоминал Н. Д. Капустин, «нервы были напряжены до предела. В любую минуту мы ждали или губительного кинжального огня с обоих берегов, или подрыва на минах». Но случилось иное. На пустынных прежде улицах города появились люди, их становилось все больше, и все они бежали в сторону озера, по направлению к порту. Тогда командир дивизиона дал команду звену лейтенанта Н. Д. Капустина подойти к дымящемуся пирсу. Два других катера остались в бухте в готовности к повторному залпу. Однако его уже не потребовалось.

В 10 час. 30 мин. 28 июня 1944 г. капитан 2-го ранга М. Ф. Крохин, капитан-лейтенант А. Д. Шемякин, лейтенант Н. Д. Капустин и лейтенант Л. А. Кучеренко шагнули на дымящиеся доски причала петрозаводского грузового порта. А спустя несколько минут их уже окружило множество народа. Как писал Н. Д. Капустин, «мы попали в объятия истосковавшихся в неволе советских людей. Нас целовали, обнимали, дарили цветы. Стоявшие у пирса катера были засыпаны живыми цветами». Потом подошла женщина А. С. Рогозкина и со слезами на глазах передала морякам красное знамя, которое она с огромным риском для жизни хранила во время оккупации.

В 10 час. 40 мин., когда, видимо, улеглись первые волнения, командир дивизиона капитан 2-го ранга М. Ф. Крохин доложил по радио командующему об освобождении Петрозаводска. Вслед за этим навстречу флотилии был отправлен катер С. А. Попова. Уходя, лейтенант не забыл взять с собой пару подаренных петрозаводчанами букетов цветов.

Все то время, в течение которого 3-й отряд дивизиона минных катеров проводил разведку в районе Петрозаводска, в штабе флотилии царило напряженное ожидание. Ждали доклада капитана 2-го ранга М. Ф. Крохина. Время шло, и в конце концов командующий флотилией капитан 1-го ранга Н. В. Антонов не выдержал. В 10 час. 25 мин. он на большом охотнике «Марсовый», сопровождаемом

2-м отрядом минных катеров (командир капитан-лейтенант В. В. Горячев), уходит в сторону Петрозаводска. Через 15 минут на «Марсовом» был принят долгожданный доклад комдива Крохина, после чего командующий отдает приказ снять с берега часть морских пехотинцев, погрузить их на корабли и срочно отправить вслед за флагманом. Помимо этого, батальону следовало организовать заслоны на автомобильной и железной дорогах, а одним подразделением двинуться на Петрозаводск в пешем строю.

Пока отдавались эти приказы, «Марсовый» шел вперед, и в 10 час. 55 мин. впереди по курсу появился летящий на полной скорости минный катер. Приблизившись к охотнику, катер сбавил ход, и взобравшийся на рубку его командир лейтенант С. А. Попов, подняв вверх букет подаренных петрозаводчанами цветов, доложил о том, что Петрозаводск освобожден.

В 11 час. 35 мин. «Марсовый» подошел к причалу Петрозаводского порта, а полчаса спустя, после того как были полностью затушены доски подожженного финнами настила, у борта большого охотника состоялся митинг с участием моряков и горожан. В 12 час. 40 мин. в честь освобождения города с «Марсового» прозвучал 21 выстрел артиллерийского салюта, а следом в гавань Петрозаводска начали входить прибывшие из Уйской губы корабли флотилии. Первыми в 12 час. 50 мин. на рейде стали катера 4-го отряда дивизиона минных катеров, а еще через полчаса к ним присоединились канонерские лодки «Московский комсомолец» и № 40. На берег спешно была высажена рота 31-го батальона морской пехоты. Выполняя приказ командующего флотилией, десантники заняли вокзал, электростанцию и другие важные объекты города, выставили заставы на его окраинах и организовали патрулирование улиц. В срочном порядке был распечатан и расклеен на стенах домов приказ № 1 командующего Онежской военной флотилией, в соответствии с которым «до прихода органов Советской власти» вся власть в городе передавалась в руки военного коменданта. Им был назначен командир 31-го отдельного батальона морской пехоты капитан И. С. Молчанов.

Следует заметить, что, приняв решение занять Петрозаводск, капитан 1-го ранга Н. В. Антонов шел на риск. Никаких данных о положении и намерениях противника в штабе флотилии не было. Нетрудно представить, что могло бы произойти, оставь финны на петрозаводских высотах одну-две артиллерийские батареи или организуй контратаку силами хотя бы пехотного батальона. А ведь такое вполне могло произойти, потому что

хотя противник и оставил Петрозаводск, но его арьергардные подразделения находились совсем близко от города – в районе населенных пунктов Верхний Бесовец, Виданы и Половина. В случае атаки ситуация могла бы стать критической, потому что оборонять город в первые часы после его освобождения было практически некому. Для участия в Уйской операции из состава 31-го отдельного батальона морской пехоты было задействовано 780 чел. Однако и эти силы прибывали в Петрозаводск по частям. Первая группа была доставлена около часа дня, вторая – около четырех часов, третья – в 20 час. 15 мин., четвертая (с батальонной артиллерией) – уже ночью, в 1 час 30 мин. В 2 часа 25 мин. из Шокши на двух бронекатерах и двух сторожевых катерах были переброшены 170 автоматчиков из состава 1224-го полка 368-й стрелковой дивизии.

Так прошла ночь, которую находившиеся в Петрозаводской губе корабли флотилии – канонерки, минные и броневые катера – провели в готовности к открытию артиллерийского огня. К счастью, финны контратаковать не собирались, а в течение 29 июня положение полностью стабилизировалось. Утром в город вошли морские пехотинцы, шедшие в пешем строю от Деревянного. Следом за ними примерно к 14 часам с юга в Петрозаводск вступили основные силы 368-й дивизии, а еще позже, уже к вечеру, прибыл наступавший с севера 3-й батальон 1070-го полка 313-й стрелковой дивизии (командир капитан П. И. Кузнецов).

Накануне, около 18 час. 28 июня, авангард 1070-го полка вышел на подступы к Кондопоге, где начал перестрелку с передовыми финскими подразделениями. С подходом основных сил город был охвачен с двух сторон, на его улицах завязались упорные бои, в ходе которых сопротивление финнов было сломлено, и в 22 час. они, оставив свои позиции, ушли по дороге на Кончезеро и Спасскую Губу. В Кондопоге в качестве трофеев были захвачены 2 паровоза, 13 автомашин, моторная лодка, 6 повозок, 20 лошадей, склад с бензином, 10 пулеметов и более 100 винтовок. О потерях, понесенных 1070-м полком при освобождении города, данных нет. Известно лишь, что в ходе боя за железнодорожную станцию был убит командир 90-го отдельного танкового полка майор П. А. Преображенский.

В Петрозаводск, как уже отмечалось, 3-й батальон 1070-го стрелкового полка вошел вечером 29 июня. Но еще раньше по радио прозвучал приказ Верховного Главнокомандующего, в котором были отмечены войска Карельского фронта, освободившие столицу Карело-Финской Респуб-

лики город Петрозаводск, занявшие город и железнодорожную станцию Кондопога и очистившие от противника Кировскую (Мурманскую) железную дорогу на всем ее протяжении. Среди особо отличившихся были названы соединения и части, которыми командовали капитан 1-го ранга Н.В. Антонов (командующий Онежской флотилией), капитан 2-го ранга М. Ф. Крохин (командир дивизиона минных катеров), капитан-лейтенант Я.Г.Ельников (командир 1-го дивизиона бронекатеров), капитан 3-го ранга И. П. Никулин (командир дивизиона канонерских лодок), капитан И.С.Молчанов (командир 31-го отдельного батальона морской пехоты), генерал-майор В.К.Сопенко (командир 368-й стрелковой дивизии), полковник Н.Ф. Цыганков (командир 313-й стрелковой дивизии), подполковник И. Е. Пильщиков (командир 1070-го стрелкового полка), капитан 2-го ранга П.С.Рождественский (начальник связи Онежской флотилии) и ряд других. А в 22 час. 29 июня в Москве в честь освободителей Петрозаводска был произведен салют двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из 324 орудий. Помимо этого, соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение Петрозаводска, надлежало представить к присвоению наименования «Петрозаводских» и к награждению орденами.

По имеющимся данным, за время операции по освобождению Петрозаводска (с 19 по 30 июня 1944 г.) подразделениями 368-й стрелковой дивизии были захвачены 32 орудия, 20 станковых пулеметов, 33 автомата, 45 винтовок, 31 велосипед, 40 км телефонного кабеля, 2 телефонных аппарата, более 100 тонн колючей проволоки, 2 паровоза, 11 тракторов, 3 автомашины (разбитые), 1 электростанция, 49 складов и 2 затопленные баржи с мукой и обмундированием. Как видим, оружия и всевозможного имущества досталось довольно много, а вот в плен за эти 11 дней удалось взять лишь двоих финских солдат.

29 июня в Петрозаводск начали прибывать руководители Карело-Финской ССР. Первым из Медвежьегорска через Кондопогу на своем личном автомобиле приехал первый секретарь ЦК компартии КФССР, член Военного Совета Карельского фронта генерал-майор Г. Н. Куприянов. Следом вместе с войсками 368-й стрелковой дивизии до Петрозаводска добрался первый секретарь ЦК комсомола КФССР Ю. В. Андропов. На следующий день, 30 июня, на главной площади столицы Карелии состоялся митинг, в котором приняли участие

военнослужащие и жители освобожденного Петрозаводска. Митинг от имени ЦК компартии и правительства республики открыл Ю. В. Андропов. Затем выступили начальник политотдела Онежской флотилии капитан 1-го ранга Д. П. Лощаков, начальник политотдела 368-й стрелковой дивизии М. Н. Вечер и представлявший горожан учитель Чистюнин. Последним слово взял Г. Н. Куприянов, а в заключение на митинге было принято обращение к воинам Карельского фронта, в котором, в частности, говорилось: «Новая ваша победа – взятие Петрозаводска – приближает час полного освобождения от немецко-финских оккупантов всех районов Карело-Финской ССР. Близок час окончательного разгрома врага».

Однако до этого часа еще нужно было дожить, потому что война продолжалась и противник находился совсем недалеко от Петрозаводска. Вечером 29 июня разведка 368-й стрелковой дивизии вышла к реке Шуя в районе поселка Верхний Бесовец, где подверглась ружейно-пулеметному обстрелу финнов. На следующий день генерал-майор В. К. Сопенко отдал приказ на дальнейшее преследование противника. Форсировав реку Шуя на рубеже Нижний Бесовец – Верхний Бесовец – Пороги, полки 368-й дивизии должны были двигаться в общем направлении на Суоярви. Основные силы 313-й стрелковой дивизии (1068-й и 1072-й полки) к этому времени находились в районе Юостозера. Приказом командующего 32-й армии им надлежало повернуть на юг и двинуться в направлении Гирвас – Спасская Губа. Туда же (к Спасской Губе) от Кондопоги и Петрозаводска должен был идти 1070-й полк.

1 июля 1944 г. обе дивизии вновь вступили в бой, а 2 июля Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин подписал указ, которым «за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-финскими захватчиками при форсировании реки Свирь, прорыве сильно укрепленной обороны противника и проявленные доблесть и мужество» 368-я стрелковая дивизия и Онежская военная флотилия награждались орденами Красного Знамени. На следующий день за образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество почетным знаменем Верховного Совета Карело-Финской ССР был награжден 1070-й полк 313-й стрелковой дивизии. 10 июля 1944 г. в 16 час. 30 мин. в штабе Карельского фронта была принята телеграмма, в которой сообщалось, что приказом Верховного Главнокомандующего № 0190 почетное наименование «Петрозаводских» присвоено соединениям и частям, отличившимся при освобождении столицы Карело-Финской ССР от немецко-финских захватчиков:

313-й Краснознаменной стрелковой дивизии, 31-му отдельному батальону морской пехоты, дивизиону минных катеров, дивизиону канонерских лодок и 1-му дивизиону бронекатеров Онежской военной флотилии. Вслед за этим последовало награждение личного состава отличившихся соединений и частей. К сожалению, данных по награждениям в 313-й Краснознаменной Петрозаводской стрелковой дивизии пока нет, но известно, что в 368-й Краснознаменной стрелковой дивизии орденами и медалями было награждено 358 чел., в Краснознаменной Онежской военной флотилии – 350, а в 31-м отдельном батальоне морской пехоты – около 80.

Что касается потерь, понесенных войсками на пути следования до Петрозаводска, конкретные сведения пока имеются только по южному (свирскому) направлению. В частности, в журнале боевых действий 368-й стрелковой дивизии указывается, что за период с 19 по 30 июня дивизия потеряла убитыми 88 чел. (8 офицеров, 20 сержантов и 60 рядовых) и ранеными 157 чел. (18 офицеров, 30 сержантов и 109 рядовых). 150-й укрепрайон в это же время потерял убитыми 38 и ранеными 111 чел. Цифры потерь 313-й стрелковой дивизии пока неизвестны, но они были выше, потому что дивизии пришлось штурмовать хорошо оборудованный в инженерном отношении Медвежьегорский район обороны. Здесь малой кровью обойтись было, наверное, невозможно.

Тем не менее следует заметить, что понесенные советскими войсками потери были минимальными. В целом они никак не соответствовали ни мощи возведенных финнами укреплений, ни тем силам, которыми располагали 313-я и 368-я дивизии. По сути, им пришлось рассчитывать на штатные огневые средства (батареи полковой и дивизионной артиллерии), благо, что к 1944 г. советская стрелковая дивизия располагала достаточным количеством орудий и минометов. Что касается выделявшихся средств усиления, то они были весьма скромными и не могли сравниться с теми, что действовали на направлении главного удара 7-й армии. 313-я дивизия брала медвежьегорские высоты при поддержке штурмовой авиации да танкового полка, вооруженного, как мы уже могли убедиться, устаревшими танками, добрая половина из которых воевала еще в 1941 г. 368-я дивизия получила дивизион самоходной артиллерии уже после форсирования Свири, и в боях за освобождение Петрозаводска самоходчики так и не приняли никакого участия. Наиболее значимой для нее оказалась поддержка, оказанная моряками Онежской флотилии. Правда, боевые возможности флотилии тоже были весьма скромными. На-

до помнить, что из всех советских флотилий 1944 г. Онежская была самой слабой как по количеству кораблей, так и по мощи артиллерийского залпа.

Вместе с тем наличие флотилии облегчало командованию 368-й стрелковой дивизии ведение маневренной войны. Два высаженных с кораблей и катеров десанта заметно ускорили продвижение стрелковых частей, что, помимо прочего, выразилось в досрочном освобождении Петрозаводска (на 2 дня раньше утвержденного графика наступления). Спору нет, сам по себе этот факт является заслугой моряков, которые рискнули и не прогадали. Однако, как мы уже могли убедиться, действия флотилии были жестко увязаны с действиями дивизии. Оба десанта – и Шелтозерский, и Уйский – являются собой классические образцы тактических десантных операций, осуществленных в тылу противника на удалении 20-25 км от линии фронта. Поэтому можно говорить о том, что высадка десанта в районе Деревянного стала возможной лишь тогда, когда авангард 368-й дивизии подошел к селу на соответствующее расстояние.

Объективности ради следует заметить, что серьезного сопротивления финны (особенно на свирском крыле) не оказывали, а отступали, желая лишь поскорее оторваться от преследования. Однако уходили они не потому, что в этом заключалась великая стратегическая мудрость, а потому, что этого требовали складывавшиеся обстоятельства. Быстрое наступление войск левого крыла 7-й армии Карельского фронта делало реальной угрозу окружения, в котором могли оказаться находившиеся на онежских берегах финские

войска. Надо отдать должное финнам: отход они осуществили организованно и в полном порядке. Но эта мера была вынужденной, и не зря же главнокомандующий финской армией маршал К. Г. Маннергейм назвал действия советских войск в Карелии «заслуживающими признания с военной точки зрения».

...С того времени минуло 70 лет. Сегодня нас убеждают в том, что Петрозаводск помнит своих освободителей. Одна из его улиц названа улицей Онежской флотилии, другая носит имя командующего этой флотилией Н. В. Антонова, третья... А третьей нет. Бог весть почему мы не вспоминаем командира 368-й стрелковой дивизии генерал-майора Василия Калениковича Сопенко. А ведь именно его дивизия, форсировав Свирь и прорвавшись сквозь заслоны отчаянных финских егерей, прошла по усеянными минами пыльным трактам до Петрозаводска. Да, первыми в город вошли моряки, за что, как гласит легенда, их сам Сталин в шутку назвал «нахалами». Но действия флотилии были напрямую связаны с действиями 368-й стрелковой дивизии и нацелены на то, чтобы всемерно содействовать ее успешному продвижению. Впрочем, делить сегодня чью-то былую и вполне заслуженную славу – дело ненужное и даже вредное. Может быть, просто, не забывая одних, вспомнить и о других?

Сергей Михайлович ТИТОВ

родился в 1958 году.

Окончил Петрозаводский государственный университет

по специальности «история».

В настоящее время — заведующий научно-экспозиционным отделом

Национального музея Республики Карелия.

Автор ряда книг и статей

по различным проблемам военной истории.

